

Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая

Лю Ху

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Чжэн Янтун

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: Alexsasha1995@163.com

ORCID: 0000-0003-0400-4677

Цитирование

Лю Ху, Чжэн Янтун. Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 183–202.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Статья поступила в редакцию 12.01.2022.

Аннотация

Исследование посвящено представлениям о судьбе в традиционной народной мифологии Сербии и Китая. В статье анализируются народные ритуалы и связанная с ними терминология, наименование и образ мифологических персонажей, обозначающих судьбу человека. Материалом для рассмотрения мифологического образа судьбы стали народные обычаи, родинный и похоронный обряды, фольклор (поговорки и пословицы, песни, загадки). В работе показано, как мифологическое восприятие судьбы отражается в языковой картине мира разных народов. Сербы верят, что судьбу человека определяют бог и другие сверхъестественные силы, в частности, судьба новорожденного ребенка определяется тремя мифологическими персонажами. В китайской традиции на судьбу влияют небесная воля, время рождения, владыка ада, специальный оберег и т. п. В народной мифологии душа перерож-

дается и получает следующую судьбу, определяемую поступками при жизни. Статья посвящена сравнительному анализу представлений о судьбе в китайской и сербской мифологии. Определяются типологические сходства и различия, отраженные в менталитете, этнической памяти, народной психологии и языке. В результате выявлены языковые и экстралингвистические факторы, оказавшие воздействие на представления о судьбе.

Ключевые слова

Сербская народная мифология, китайская традиционная мифология, образ судьбы, этнолингвистика.

Исследование опирается на методы московской этнолингвистической школы, предполагающие реконструкцию народной духовной культуры. Н. И. Толстой полагает, что этнолингвистика в узком смысле может пониматься как раздел или направление языкознания, а понимаемая в широком смысле, она считается «комплексной дисциплиной, предметом изучения которой является традиционная культура, народная психология и мифология» (Толстой 1995: 27, 39–40). С. М. Толстая указывает, что язык и вся народная культура, их виды, жанры и формы — все являются объектами этнолингвистики (Толстая 2013: 68). А. А. Плотникова отмечает, что Московская школа этнолингвистики занимается обоими аспектами славянской народной традиционной культуры, которая изучается 1) и как система культурных знаков (символов); 2) и со стороны языковых реализаций культурных контекстов (т. е. собственно лексика и фразеология) (Плотникова 2014: 36).

Считается, что представления о судьбе пронизывают все мифологические, религиозные, философские и этические системы мира. Более того, они составляют «ядро национального и индивидуального сознания. Это понятие (судьбы. — Л. Х., Ч. Я.) принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных» (Арутюнова 1994: 3).

Согласно этнолингвистическим данным, «представления о судьбе актуализируются и вербализуются в случае “ненормального” разворачивания жизненного сценария, как трагического, так и благополучного, и прежде всего в обрядах семейного цикла» (Седакова 2012: 204). Существует несколько конкурирующих и даже противоречивых представлений о судьбе: «Судьба выступает как неумолимая сила, действие которой изменить невозможно; Судьба зависит от случая, от поведения

человека, греховности или праведности и других обстоятельств; судьбу можно изменить или создать (“Человек — кузнец своего счастья”). Судьбу пытаются угадать, узнать у астрологов и провидцев, ее можно увидеть во сне» (Там же).

Основными наименованиями судьбы в славянских языках являются отглагольные дериваты. «Непосредственные, как *судьба* от *судить*, *доля* от *делить*, *рок* от *речь* “говорить”, или вторичные, как *участь* или *счастье*, восходящие к глаголу со значением “кусать, отрывать” через девербатив *часть* («*Бойся не бойся, а от части* (от участи) *своей не уйдешь*»); так же и *жребий* восходит к глаголу со значением “резать, стругать”» (Толстая 1994: 143).

На Балканах известно поверье, что судьбу новорожденного ребенка предопределяют мифологические персонажи. Названия таких демонов связаны с функцией «определять судьбу», термины производны от *суд-*, *рек/ч-*, *rod-*, *(o/y)рис-* (Плотникова 2004а: 694–711). От корня **sqd-* (сербский, словенско-хорватский ареал) образованы наименования демонов на западе южнославянской территории, тогда как на востоке обозначения *о/урисница* заимствованы из греч. *ὀρίζω* ‘определить, установить’ (почти все болгарские говоры, македонские, восточносербские говоры). Термины, образованные от корня **rek-* (западная Македония, западная Болгария), преобладают на южном балканславянском поясе (Плотникова 2004а: 245; Якушкина 2004: 168). «Такое перераспределение грецизмов и славизмов (грецизм — на севере, славизм — на юге Балкан), очевидно, связано со стремлением славянских народов, проживающих в зонах, контактных с греческими, сохранить свой исконный лексический фонд» (Плотникова 2013: 282).

В Сербии встречаются три типа наименований этих персонажей, производных: 1) от **sqd-*: *суђеница*, *усуда*, *суђаја*, *судија*, *судбина*, *судбеница*; 2) от **rod-*: *уродушња*, *урудушњак*; 3) с корнем *(o/y)рис-*: *удурисница*. Наименование *наречници* < **рек/ч-* известно в Македонии и Болгарии, а в Сербии не наблюдается (Там же: 243–249).

Подробно исследовала названия демонов судьбы на территории распространения сербскохорватского языка и его диалектов Е. И. Якушкина. Она пришла к заключению, что в подавляющем большинстве сербскохорватских пунктов распространено название *суђенице* (Якушкина 2004: 169). В сербских говорах отмечаются и другие названия, образованные от глагола *судити*: *усуде*, *судбине*, *судије*, *судбенице*, *пресудњаце*, *опсуде*, *суднице* (Там же: 171).

В районе Заечара, Княжеваца и Болеваца, в говорах сербско-болгарского и сербско-румынского пограничья, обозначения демонов

судьбы восходят к греч. *ώρα*, под влиянием болгарских или румынских наименований: *уриснице*, *уреснице*, *удуриснице*. «В сербских областях, прилегающих к румынской границе, распространены румынские заимствования, мотивированные тем же корнем: *урсаториљи*, *урсуториљи*, *урсутори*» (Якушкина 2004: 176).

Несмотря на то, что в основном демоны судьбы женского пола, встречаются и имена собственные *Усуд* и *Урис*, обозначающие индивидуализированных мужских персонажей-судей, и нарицательные, обозначающие множественных демонов судьбы — *усуди* и *уриси* (Якушкина 2004: 176). На западе сербскохорватского ареала в этих же значениях бытуют производные *урис*, *урисница* от глаголов *урисити* / *рисити* (у восточных границ Сербии *удурисити*) (Там же: 176–177). Любопытно также, что «на границе Сербии и Македонии (Скопска Црна Гора) отмечены представления о том, что персонажи мужского пола (*суђеници*) определяют судьбу мужчин, а персонажи женского пола (*суђенице*) — судьбу женщин» (Плотникова, Седакова 2012: 199).

В «Сербском мифологическом словаре» (1970) дается обобщающая интерпретация представления о «судженицах». Считалось, что *суђенице* (*суђаје*, *ориснице*) приходят вечером на третий день (реже на первый или седьмой) после рождения. Они определяют судьбу нового члена семьи на всю его жизнь. Вечером, в ожидании прихода «суджениц», мать наводит в доме чистоту и порядок, одевается в чистую одежду, купает ребенка и пеленает его в чистое. В ту ночь повитуха (*бабица*, *примаља*) помогает ухаживать за ребенком. Вокруг новорожденного кладут хлеб, вино, базилик и золотые или серебряные монеты. Вечером все хозяева дома молятся Богу (Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 293). В народе полагали, что «суджениц» никто не видит и что они приходят в полночь. Матери или повитухе приходилось разговаривать с ними во сне. Они якобы спорили и договаривались о судьбе ребенка, так что иногда это переходило в громкий спор. Считалось, что лучше бы в эту ночь повитухе вообще не спать (Там же).

Согласно сведениям из этнолингвистического словаря «Славянские древности», в сербской народной мифологии *суђенице* — три женских персонажа. Старшая обычно определяла смерть, средняя — физические недостатки, а младшая, чьи желания обычно и исполнялись, была самой милосердной: она говорила, сколько проживет ребенок, когда женится (выйдет замуж), какие радости ждут его в жизни и все остальное, что с ним случится. В восточной Сербии (Болевацкий

край) считали, что «в первый из трех вечеров судьбу ребенка предсказывает старшая, во второй — средняя по возрасту судженица, в третьей — младшая» (Плотникова, Седакова 2012: 200).

Того, что предскажут в эту ночь, никакая сила не может изменить, и вся жизнь человека должна проходить в соответствии с предопределенной судьбой. Отсюда, вероятно, поговорки: серб. *Тако му је суђено* («Так ему суждено»), *Нема смрти без суђена дана* («Нет смерти без сужденного дня») или: *Ако му има века, има и лека* («Если у него есть век, есть лекарство») (Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 293).

В сербских народных преданиях и быличках говорится о конкретных обрядах ожидания «суджениц». Например, отец приглашает гостей отпраздновать рождение ребенка, усаживает их обычно в комнате, соседней с той, где спит ребенок и где *суђенице* будут предсказывать ему судьбу (Радуловић 2013: 221–222). *Суђенице* — в основном женщины, а гость — всегда мужчина; женщина редко слышит разговор, а если слышит — тогда это может быть сестра (в этом случае действие происходит вне дома) или, еще реже, мать (Там же). Часть описанного обряда совпадает с народными запретами: в течение трех дней ребенка не разрешалось качать в люльке, поскольку во время *качания* (первого, то есть того, которое введет ребенка в общество) ему предсказывается его судьба (Там же).

Чтобы уберечь ребенка от несчастий, проводятся специальные обряды задабривания «суджениц». Как правило, готовят для «суджениц» трапезу, чтобы они поели и ниспослали ребенку хорошую судьбу. В восточной Сербии преимущественно приносили «судженицам» сахар, при этом на столе оставляли хлеб и соль. Рядом с люлькой могли класть хлеб, лепешку, деньги (Плотникова, Седакова 2012: 202). «Нередко трапезу готовили три вечера подряд в ожидании трех суджениц: оставляли три бокала вина, три куска сахара, три булочки, на стол клали золотые украшения» (Там же).

Зафиксированы ритуальные действия, позволяющие оберегать ребенка от «суджениц». «Рядом с роженицей и ребенком всю ночь следовало сидеть пожилой женщине» (Плотникова, Седакова 2012: 203). В восточной Сербии в колыбель ребенка клали чеснок (Там же). «Ребенка относили ночевать в этот вечер к знакомым, а на его месте оставляли повитое в пеленки полено (Македония, Сербия, Косово, Болгария). В Призрене (Косово) перед приходом “суджениц” в колыбель вместо ребенка клали сделанную из тряпок куклу, чтобы все плохое предсказали ей, а не младенцу, после чего куклу выбрасывали» (Там же).

В разных сербских регионах проводятся ритуалы с целью убедить и благословить роженицу и новорожденного, а также способствовать счастливой и хорошей судьбе ребенка в будущем. Например, женщины с подарками (хлебами или пр.) посещают роженицу и ребенка, в свою очередь семья роженицы угощает посетительниц и т. д. (Плотникова 2004а: 145).

В этом обряде важен термин *повојница*, который имеет разные значения: 1) праздник по случаю рождения ребенка; 2) подарки, принесенные по случаю рождения ребенка; 3) обрядовый хлеб по случаю рождения ребенка (Плотникова 2004а: 146). Сербы верят, что *повојница* (во всех указанных значениях) защищает ребенка от зла и нечистой силы, например опасностей, болезней и даже безбрачия (Там же: 153).

В центральной и восточной Сербии слово *повојница* чаще употребляется в значении праздника по случаю рождения ребенка (Там же: 154), например, в Шумадии *повојница* обозначает праздник чествования новорожденного. Кроме того, *повојница* может обозначать дары новорожденному: хлеб, лепешки, оладьи, платок или полотно и т. д. (Там же: 151). Верят и в то, что если у юноши нет своевременного брака, то это означает, что при рождении у него не было дара *повојница* (хлеба и пеленания), а потому он не может жениться (Плотникова 1999: 233).

В сербской и других южнославянских традициях детям, рожденным в «рубашечке» (остатки амниона на тельце ребенка), приписывается необычная судьба. Названия околоплодного пузыря у сербов соотносятся с семантикой «одежды новорожденного» — *кошуљица* ‘рубашечка’, *капица* ‘шапочка’, *марама* ‘платок’ (Плотникова 2009: 489).

Как правило, «рубашечку» сушат и хранят как амулет. В восточной, западной и южной Сербии встречается поверье о том, что ребенок разболеется и умрет, если «рубашечку» сжечь или потерять (см. Требјешанин 1991: 109; Филиповић 1972: 154; Благојевић 1984: 220). По данным материалов, собранных А. А. Плотниковой в области Драгачево (западная Сербия), «рубашечка» служит амулетом для рожденного в ней человека: «Мать родила ребенка “в рубашечке” (у *кошуљици*) и сохранила ее. Рожденный “в рубашечке” ребенок обладал способностью к сглазу. Однажды он похвалил только что родившегося теленка, и теленок тотчас сдох. Мать взяла “рубашечку” и бросила в огонь. Ребенок сразу умер» (Плотникова 2004а: 163–164). В восточных районах Сербии ребенок, рожденный в «рубашечке», будет жить долго, его не заденет пуля. «“Рубашечка” приносит счастье не только владельцу, но и каждому, кто носит с собой такую “руба-

щечку” или кусочек от нее, главным образом это касается защиты от пули на войне» (Там же: 166). Ребенка, рожденного в «рубашечке», считают ребенком со свойствами змея-героя. Такие дети охраняют свои земли от нападений чужих змееподобных существ — «алы», «ламии», «здухача». Родители всегда хранят «рубашечку» на случай нападения врага (Там же: 164).

Судьба ребенка, рожденного в «рубашечке», зависит от цвета «рубашки». Считается, что у детей, рожденных в белой «рубашечке», будет успешная и счастливая жизнь. А судьба детей, рожденных в «рубашечке» другого цвета (красного, зеленого, голубого), чаще всего связывается с их опасностью для окружающих. Такой человек может стать колдуном, «ветровняком», «вештицей» или «морой» (Требјешанин 1991: 108–110; Благојевић 1984: 220; Плотникова 2004а: 166).

Согласно сербской традиции, «постелька» (плацента) служит оберегом для ребенка на протяжении всей жизни. В Сербии постельку бросают в реку, чтобы ребенок был резвым, умным и рос быстро и благополучно, как бежит река (Требјешанин 1991: 112; Плотникова 2004а: 169).

Сербы верят, что дата рождения влияет на судьбу человека. У детей, рожденных на святочной неделе, во вторник или субботу, жизнь не будет хорошей (Седакова 2012: 207). Похожая судьба у детей из одного семейства, рожденных в один месяц или в один день недели, — южные славяне называют их «одномесячниками» или «однодневниками». Судьба связывает их друг с другом. Если с одним из них случится несчастье, беда или болезнь, даже смерть, то другой будет повторять такую же несчастливую судьбу. Поэтому у сербов распространены различные формы магического «разделения», «ограждения» этих детей, а также обряды «символического выкупа, даваемого живым умершему» (Плотникова 2004б: 533).

Сербы верят, что во время смерти нужно смириться с судьбой. Если при жизни у людей было много грехов, то они будут тяжело умирать; сербы в таких случаях говорят: «Его не хочет ангел (земля)». Наоборот, добрые люди умрут спокойно. По сербским народным поверьям, «легкой бывает смерть в большие праздники и другие благоприятные дни, например в пятницу» (Терновская, Толстая 1995: 90).

Когда люди умирают, считается, что душа покидает тело. «Сербы о смертных муках говорят, что человек “собирает душу” или “борется с душой” (агония понимается как борьба человека со смертью, борьба ангела с чертом за душу человека)» (Толстая 1999: 164). Считается, что *«узме му Бог душу* (Бог возьмет его душу), ангел, архангел, святой,

которых Бог посылает вынуть из человека и забрать душу на небо, или же Смерть, черт, нечисть, которые урывают душу косой, крюками, ножом, саблей и т. п.» (Там же).

* * *

В Китае считается, что судьба предопределена волей неба. Судьба уже начертана, никто не может ее изменить. Такая мысль отражена в некоторых лингвистических словарях, например, в этимологическом словаре «Цьюань» (词源, букв. 'источник слов') сказано, что «судьба предназначена волей неба» (Хэ Цзюин, Ван Нин, Дун Кунь 2015: 692); в «Цыхай» (辞海, букв. 'море слов') судьба означает разный образ жизни: «удачный и неудачный, долговечный и недолговечный, высокий и низкий, определенную судьбу невозможно изменить» (Ся Чжэнун, Чэнь Чжили 2009: 1594); а в «Современном словаре китайского языка» говорится, что судьба означает «жизнь и смерть, богатство и бедность» (Люй Шусян, Дин Шэншу 2016: 917).

Судьба в китайской мифологии определяется некой невидимой силой, например, небом, богами или духами. Задаются параметры человеческой жизни: срок, счастливая или несчастливая, удачная или неудачная участь. Люди сами не могут изменять свою судьбу. Судьба для человека определяется незадолго до его рождения. У китайского народа имеются пословицы и поговорки: «В природе существуют неожиданные штормы, а в жизни непредсказуемы беды и удачи»; «Если есть в судьбе, то будет, если нет, то силой не достанешь»; «Смерть и жизнь определены судьбой, а богатство и честь — небом» и т. д. (Сун Хайянь 2013: 174). Кроме того, «судьба» также служит объяснением бедствий или других зол в жизни, например, когда случается несчастье или беда в жизни, люди часто говорят: «Вот это судьба!» или «Такая судьба!». Хотя люди стараются изменить свою судьбу изо всех сил, им все же приходится «смириться со своей судьбой», когда они сталкиваются с неожиданными и непредвиденными случаями в жизни. Полагают также, что судьбой человека управляет нефритовый император (владыка небесного мира), обитающий в небесах (Ван Вэньгэ, Лю Тунцзюнь 2010: 35). Таким образом, верят, что судьба человека устроена небесными силами.

Несмотря на то, что судьба уже предопределена свыше, многие факторы также влияют на судьбу человека. В Китае существует поверье о судьбе под влиянием зодиакального знака года рождения, именно время рождения детей оказывает влияние на судьбу. Например, полагают, что в год Дракона родится счастливый ребенок. Год Дракона симво-

лизирует благоприятное время, поэтому дети, рожденные в этом году, получают благоприятную судьбу, у них будет высокий уровень образования, достойная зарплата, счастливая жизнь, хорошая карьера и т. д. Соответственно, родители обычно выбирают хороший год для зачатия. Кроме того, люди, рожденные в разные месяцы и дни, имеют различные судьбы. Согласно китайской народной мифологии, дети, рожденные по лунному календарю в пятый день пятого месяца, являются детьми с неблагоприятной судьбой, зловещими людьми, которые приносят несчастье своим родителям (Чжу Цици 2019: 118–119). Пятый день пятого месяца считается плохим числом, потому что знаменует середину лета, когда распространены болезни (Мэй Дунвэй 2017: 54).

После рождения ребенка люди проводят специальные обряды, чтобы помолиться о безопасности жизни ребенка и пожелать ему хорошей судьбы. Смысл большинства этих обрядов — благословение для новорожденных, для того чтобы они получили хорошую судьбу и счастливую жизнь в будущем. Например, в провинциях Шаньдун, Цзянсу, Хэнань и других регионах Китая существует традиционный народный обычай *сунчжуми* (送祝米, букв. ‘приносить поздравительный рис’). Этот ритуал часто проводят после рождения ребенка на третий, шестой, девятый или двенадцатый день (Чжан Чуаньдун 2016: 124). В этот день родители по линии матери и родственники приносят рис, яйца, муку, новую одежду, чтобы поздравить с рождением ребенка и пожелать ему здоровья.

Существует обычай *сисань* (洗三) — омовение новорожденного младенца на третий день после рождения ребенка. Согласно этому традиционному обычаю Китая, после рождения ребенка, на третий день, совершается его специальное купание / омовение. Этот обычай возник во времена династии Тан (618–906 гг.). Но в настоящее время он сохраняется только в редких населенных пунктах Северо-Восточного Китая. Так, ему еще следуют маньчжуры, живущие на северо-востоке. Китайцы верят, что через этот обряд можно устранить бедствия, и молятся о счастье и удаче (И Хуа 2016: 2).

В сотый день после рождения ребенка бабушка по линии матери должна принести сто китайских пампушек, что символизирует долголетие: ребенок тогда будет жить до ста лет (Ван Гуани, Чун Пэйтин 2018: 335). Когда ребенку исполняется один год, родители устраивают церемонию *чжуачжоу* (抓周, ‘бросать жребий’). Кладут перед ребенком предметы, связанные с какой-либо профессией, позволяют ребенку захватить рукой и выбрать одну из вещей, чтобы предсказать будущую профессию.

Когда ребенку исполняется год, родители дарят ему оберег — *чанминсо* (长命锁, букв. ‘замок долголетия’). Он считается китайским амулетом. Его также называют *байцзясо* (百家锁, букв. ‘замок ста семей’) — монисто, подобное древнему замку, изготовленное из собранных у соседей и родственников монет, чтобы благословить детей на долгую и здоровую жизнь. Замок-амулет защищает ребенка от злых духов, бедствий и болезней (Ван Хайна 2011: 59). На замке написаны иероглифы с целью благоприятно повлиять на судьбу его обладателя: 长命富贵 (‘на долгую жизнь и богатство’), 长命百岁 (‘долгая жизнь до ста лет’), 福禄寿 (‘счастье, богатство и долголетие’) и т. д. Замок долголетия обычно украшен узорами, напоминающими цветы, птиц, насекомых и зверей, что также должно благоприятствовать позитивным событиям в жизни (Там же). Родители считают, что замок долголетия поможет детям избежать беды, а также уберечь от вреда, вызываемого злыми духами. Более того, замок долголетия дает детям возможность избежать невезения, прожить долгую жизнь и стать здоровыми (Чжан Лэй 2018: 14).

Замки долголетия открывают или снимают на 12-й год рождения, потому что тогда душа ребенка считается выросшей и больше не нуждается в защите замка-амулета. Считается, что дети до 12 лет легко теряют душу, которую забирают демоны и нечистая сила. Если ребенок наденет «замок», сделанный из хлопковой нити и медных монет, то он получит благословение от божеств. Ритуал открытия замка называется *кайсоцзы* (开锁子, ‘открытие замка’) или *юаньсоцзы* (圆锁子, ‘замок выполнения обета’). Такой ритуал известен в провинциях Шаньси, Хэнань, Шаньдун, Внутренняя Монголия и других регионах (Дай Сюминь 2015: 13). Например, в Северной провинции Хэнань перед ритуалом раскладывают подношения, сжигают благовония и молятся, затем на шею ребенка вешают обмотку с замком и произносят молитву: «Переворачивается золотой замок, вставляется веревка, ребенок живет до двенадцати лет! Откроем все замки приворотные, синий замок висит на шее ребенка» (Там же) (перевод наш. — Л. Х., Ч. Я.). После сжигания благовоний замок открывают и снимают. Потом набрасывают кумач или красную одежду на плечи ребенка. Красный цвет в китайской традиции символизирует светлое будущее (Там же). Потом чашку, наполненную жертвенными дарами, передают ребенку. Эта чашка называется «золотой чашкой». Считается, что если ребенок держит ее в руках, то у него всегда будет еда и очень хорошая работа. В конце ритуала основной его исполнитель берет ветку ивы и трижды хлещет ребенка, выгоняя его из комнаты наружу в объятия своих родителей, которые сидят во дворе (Там же).

В народной мифологии существует верование, что *яньван* (阎王, ‘владыка ада’) определяет судьбу людей. *Яньван* — властитель подземного мира, отвечающий за судьбу человека, дату смерти и реинкарнацию. Как гласит пословица, «Если *яньван* приговорил вас к смерти в три часа, вы не дождетесь пяти». Наименование *яньван* происходит от санскрит. *yama-raja* (букв. ‘владыка ада’), в литературном китайском языке он также встречается под именами *емо* (夜摩, 耶摩), *яньмо* (焰摩, 焰魔, 琰摩, 剡魔, 阎摩, 琰魔) (Чжао Сингэнь, Лу Сянхуай 2005: 26). В диалектах известны названия *яньло*, *яньван*, *сыван*.

Яньван изначально — божество древнеиндийской мифологии. Ямамото Ше, называемый Ямой, первоначально был един в двух лицах разнополых близнецов. Он судит души умерших по их прижизненным делам, поэтому его также знают в качестве *Короля справедливости* (Ван Фанвэнь 2003: 1).

Китайцы верят, что после смерти душа человека улетает от тела, далее перерождается. Под руководством *яньвана* происходит суд над душой, где оцениваются поступки при жизни. Следующее воплощение может быть уровнем выше или ниже.

В настоящее время в провинции Шаньдун сохранились верования в то, что, когда человек умирает, к нему *яньваном* посылаются призраки для суда над душой. Призраки называются *учаны* (无常, букв. ‘непостоянство’), их два: один – в черной одежде, другой — в белой. Известно древнее стихотворение: «Если сразу в один день приходят *учаны*, то никак нельзя им помешать». *Учаны* описываются как ужасающие существа: они одеты в обычную одежду, с высокой шляпой, длинными волосами и длинным языком. Кто их увидит, сразу умрет (Цзи Уцзы 1990: 289).

Собиратель историй Ли Цинчэнь из династии Цин (1636–1912) записал: «Был некий доктор, который ехал ночью в паланкине мимо храма. Когда носильщик внезапно остановился, то доктор удивился и отдернул занавеску, чтобы узнать, в чем дело, и увидел двух призраков десяти футов высотой. Один в белом, другой в черном, они направлялись ко входу в храм. Дверь открылась сама по себе. Когда они вошли, дверь захлопнулась. Лунный свет был ярким, так что они могли его ясно видеть. Вскоре после этого, когда они вернулись домой, трое из четырех (доктор и два носильщика) умерли, и только тот, кто не видел учанов за паланкином, остался жив» (Ли Цинчэнь, Гао Хунцзюнь, Ван Шуянь 1988: 83–84).

Считается, что у *яньвана* есть книга, в которой записана продолжительность жизни каждого человека. Когда чья-то жизнь за-

канчивается, он посылает к нему *учанов*, чтобы сопроводить душу в подземный мир. *Яньван* определяет дальнейший путь души исходя из поступков при жизни: человеку, который совершает добро, *яньван* даст хорошую следующую жизнь, а человека, совершившего много зла, *яньван* оставляет в наказание в аду или дает ему плохую жизнь.

Обычно *яньван* сидит на троне. Под его руководством служат многие должностные лица, называемые *паньгуань* (判官, букв. 'чиновники-судьи'). Они помогают *яньвану* судить души умерших. Есть два типа судей: гражданские и военные. Гражданский судья носит официальную форму, держит кисть в правой руке, а в левой руке — книгу *шэнсыбу* (生死簿, 'жизни и смерти'). Военный судья также одет в официальную форму, у него есть «медное шило» и «девятизвенная плеть» (гибкое металлическое боевое оружие). Военные *паньгуань* ловят и бьют души умерших, гражданские отвечают за поиск и запись информации (Цзэн Вэньвэнь 2012: 43).

Люди думают, что честный и справедливый чиновник после смерти может занять пост владыки ада. Наиболее известный из них — *Бао-Чжэн*, самый честный чиновник в истории, самоотверженный и неустрашимый перед властью. Он осмелился наказывать родственников императора в соответствии с законом. Поэтому после смерти он стал *яньваном*. Во времена династии Сун уже считалось, что *Бао-Чжэн* и есть *яньван*, существует поговорка с того времени: «Нет необходимости платить взятки, чтобы бороться с судебным иском, потому что есть *яньван* — Бао Чжэн» (Цзи Уцзы 1990: 258) (перевод наш. — Л. Х., Ч. Я.). Говорят, что у него черное лицо, поэтому его называют еще и *Черным Бао-Чжэном*.

Считается, что имеется десять *яньванов*, проживающих в десятом зале подземного мира. В настоящее время обычно в местном храме создается зал для поклонения *яньвану*, особенно во спасение души умершего. Люди молят *яньвана* об освобождении душ умерших, чтобы они могли переродиться как можно скорее (Цзэн Вэньвэнь 2012: 46). Во многих сельских районах в Китае до сих пор существует обряд, во время которого люди приносят дары мертвым и проводят поминки через каждые семь дней после смерти родственника, причем на пятый и седьмой день делаются крупные жертвоприношения. Считается, что через семь недель душа умершего перерождается (Там же).

Вера в *яньвана* оказала большое влияние на погребальные обряды провинции Шаньдун. Чтобы умерший успешно и безопасно смог добраться до жилища *яньвана*, его родственники готовят богатую одежду, обувь, еду для умершего. Самое главное: их семьи должны

приготовить много денег, чтобы можно было подкупить *яньвана* и получить хорошую судьбу в следующей жизни.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать некоторые заключения типологического характера о представлениях о судьбе в народной мифологии Китая и Сербии.

1. В китайской и сербской мифологиях наблюдается различие в отрезке времени определения судьбы: сербский народ считает, что судьба определяется тремя демонами сразу **после рождения**, а китайцы верят, что судьба была определена владыкой ада и ее чиновниками-судьями уже **до рождения**.

2. В наименовании мифологических персонажей, определяющих судьбу человека, указывается их функция, общая для семантики представлений обоих народов, — «судить»: в Сербии их называют *суђенице*, *усуде*, *судбине*, *судије*, *судбенице*, *пресудњаче*, *опсуде*, *суднице* и т. д.; в Китае мифологические персонажи под руководством владыки ада называются *паньгуань* (букв. ‘чиновники-судьи’).

3. В поле мифологических персонажей, определяющих судьбу человека, выявлены гендерные различия: в сербской народной традиции три демона *суђенице* — **женщины**, гораздо реже — мужчины, на западе Сербии, см.: (Плотникова 2004: 248–249), а в китайской традиции все мифологические фигуры, связанные с жизнью и смертью, — **мужчины**.

4. Дата рождения человека связана с судьбой в китайской и сербской традициях. Китайцы считают, что у детей, рожденных в год дракона, судьба станет лучше, а дети, рожденные в пятый день пятого месяца по лунному календарю, получают плохую судьбу. В Сербии дети, рожденные в святки, во вторник и субботу, получают несчастливую и бедную судьбу. Рожденные в один месяц и один и тот же день недели связаны общей судьбой.

5. Обереги ребенка и обряды, связанные с судьбой, встречаются и в сербской, и в китайской традициях. В Китае *чанминсо* (‘замок долголетия’) защищает детей от смерти в раннем возрасте; обычай *сунчжуми* (‘приносить поздравительный рис’) приносит ребенку крепкое здоровье; обряд *чжуаучжоу* (‘бросать жребий’) помогает предсказать будущую профессию. В Сербии устраивают трапезу для «суджениц», чтобы ребенок получил хорошую судьбу; «рубашечка» сушится и хранится как амулет, она приносит счастье и защищает владельца от пули на войне; «постельку» бросают в реку, чтобы ребенок был

резвым, умным, благополучным; встречаются и ритуалы чествования новорожденного, когда женщины с подарками (хлебами, лепешками и т. д.) посещают роженицу и ребенка, что должно уберечь последнего в будущем от опасностей и несчастной судьбы.

Источники и литература

Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* От редактора // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 3–4.

Благојевић 1984 — *Благојевић Н.* Обичаји у вези са рођењем, женидбом и смрћу у титовоужичком, пожешком и косјеричком крају // Гласник Етнографског музеја у Београду / ур. Никола Патенлић. 1984. Књ. 48. С. 209–310.

Ван Вэньгэ, Лю Тунцзюнь 2010 — 王文革, 刘同军. 中国传统悲剧中的命运观 // 北方工业大学学报. 2010. № 2. 第33–38页.

Ван Гуани, Чун Пэйтин 2018 — 王广义, 崇沛婷. 近代中国东北地区居民人生礼仪研究 // 华夏文化论坛. 2018. № 2. 第324–338页.

Ван Фанвэнь 2003 — 万方文. 华夏民间俗信宗教: 阎王 // 书屋. 2003. № 3. 第1 页.

Ван Хайна 2011 — 王海娜. 长命锁及其演变 // 佛山科学技术学院学报 (社会科学版), 2011. № 3. 第59–62页.

Дай Сюминь 2015 — 戴秀敏. 由“索”到“锁”——长命锁起源探究 // 怀化学院学报. 2015. № 6. 第12–15页.

И Хуа 2016 — 逸华. “洗三”: 满族新生儿独特的祈福仪式. 中国民族报. 2016. 年11月18日. 第2页.

Кулишић, Петровић, Пантелић 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.

Ли Цинчэнь, Гао Хунцзюнь, Ван Шуянь. 1988 — 李庆辰, 高洪钧, 王淑艳. 无常二则 // 《醉茶志怪》中卷二. 石家庄: 河北人民出版社. 1988. 第83–84页.

Люй Шусян, Дин Шэншу 2016 — 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 第七版. 2016. 共1800页.

Мэй Дунвэй 2017 — 梅东伟. 端午节“恶月恶日”的流行及其影响 // 文史知识, 2017, № 5. 第54–59.

Плотникова 1999 — *Плотникова А. А.* Завивать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 232–233.

Плотникова 2004а — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова 2004б — *Плотникова А. А.* Одномесячники, однодневники // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 533–534.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Рубашка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 489–490.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 384 с.

Плотникова 2014 — *Плотникова А. А.* Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросники в полевых исследованиях // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 34–43.

Плотникова, Седакова 2012 — *Плотникова А. А., Седакова И. А.* Судженицы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 199–203.

Радуловић 2013 — *Радуловић Немања Ј.* Одређивање судбине у фолклорним наративима // Сборник у част Марији Клеут / ур. С. Томин, Љ. Пешикан Љуштановић, Н. Половина. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. С. 217–239.

Седакова 2012 — *Седакова И. А.* Судьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 203–208.

Сун Хайянь 2013 — 宋海燕. 中国民间命运观的文化反思及其启示 // 云南行政学院学报, 2013. № 2. 第174–176页.

Ся Чжэнун, Чэнь Чжили 2009 — 夏征农, 陈至立. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 第六版, 2009. 共3477页.

Терновская, Толстая 1995 — *Терновская О. А., Толстая С. М.* Агония // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 90–92.

Толстая 1994 — *Толстая С. М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 143–147.

Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Душа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 162–167.

Толстая 2013 — *Толстая С. М.* Постулаты московской этнолингвистики // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 67–80.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.

Требјешанин 1991 — *Требјешанин Ж.* Представа о детету у српској култури. Београд, 1991. 422 с.

Филиповић 1972 — *Филиповић М. С.* Таковци: етнолошка посматрања. Београд: Српска академија наука и уметности, 1972. [Српски етнографски зборник. Књ. 84.] 274 с.

Хэ Цзюин, Ван Нин, Дун Кунь 2015 — 何九盈, 王宁, 董琨. 辞源. 北京: 商务印书馆, 第三版, 2015. 共4961页.

Цзи Уцзы 1990 — 鞠午子. 漫话神鬼故事. 哈尔滨: 北方文艺出版社. 1990. 共301页.

Цзэн Вэньвэнь. 2012 — 曾雯雯. 汉唐之间中国冥界观的变化研究. 四川师范大学, 2012. 共88页.

Чжао Сингэнь, Лу Сянхуай 2005 — 赵杏根, 陆湘怀. 实用中国民俗学. 南京: 东南大学出版社, 2005. 共216页.

Чжан Лэй 2018 — 张雷. 长命锁隐含的文化 // 山海经, 2018. № 13. 第14–15页.

Чжан Чуаньдун 2016 — 张传东. “送祝米” 习俗的原始意义与传统追溯 // 华南农业大学学报(社会科学版), 2016. № 5. 第123–131页.

Чжу Цици 2019 — 朱七七. 端午恶月出生的娃命运如何? // 旅游世界, 2019. № 6. 第118–119页.

Якушкина 2004 — *Якушкина Е. И.* Южнославянская лексика судьбы с точки зрения ареалогии // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян / отв. ред. Г. П. Клепикова, А. А. Плотникова. М., 2004. С. 168–182.

References

Arutiunova, N. D. “Ot redaktora.” *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow: Nauka, 1994, pp. 3–4.

Blagojević, H. “Običaji u vezi sa rođenjem, ženidbom i smrću u titovoužičkom, požeshchkom i kosjeričkom kraju.” *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*, ed. by Nikola Patenlić, 1984, knj. 48, pp. 209–310.

Dai, Xiumin. “You ‘suo’ dao ‘suo’ — changmingsuo qiyuan tanjiu.” *Huaihua xueyuan xuebao*, 2015, no 6, pp. 12–15.

Filipović, M. S. *Takovci: etnološka posmatranja*. [Српски етнографски зборник. Књ. 84.] Београд: Српска академичка наука и уметности, 1972, 274 п.

He, Jiuying; Wang, Ning and Dong, Kun. *Ciyuan*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 3^d ed., 2015, 4961 p.

Iakushkina, E. I. “Iuzhnoslavianskaia leksika sud'by s tochki zreniia arealogii. Issledovaniia po slavianskoj dialektologii.” *Terminologicheskaiia leksika*

material'noi i duhovnoi kul'tury balkanskih slavian, Issue 10, ed. by G. P. Klepikova, A. A. Plotnikova. Moscow, 2004, pp. 168–182.

Ji, Wuzi. *Man hua shen gui gushi*. Haerbin: Beifang wenyi chubanshe. 1990, 301 p.

Kulišić, Š., Petrović, P. Ž., Pantelić, N. *Srpski mitološki rečnik*, Beograd: Nolit, 1970.

Li, Qingchen, Gao, Hongjun, Wang, Shuyan. “Wuchang erze.” *Zuichazhigui*. Shijiazhuang: Hebei renmin chubanshe, 1988, pp. 83–84.

Lu, Shuxiang, Ding, Shengshu. *Xiandai hanyu cidian*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 7th ed., 2016, 1800 p.

Mei, Dongwei. “Duanwujie ‘eyueeri’ de liuyan jiqi yingxiang.” *Wenshizhishi*, 2017, no 5, pp. 54–59.

Plotnikova, A. A. “Zavivat’.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2, pp. 232–233.

Plotnikova, A. A. *Étnolingvisticheskaia geografiia Juzhnoi Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 768 p.

Plotnikova, A. A. “Odnomesiachniki, odnodnevnikii.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 533–534.

Plotnikova, A. A. “Rubashka.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 489–490.

Plotnikova, A. A. *Yuzhnye slaviane v balkanskom i obshch斯拉vianskom kontekste: Étnolingvisticheskie ocherki*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, 384 p.

Plotnikova, A. A. “Iazyk kak zerkalo narodnoj kul'tury: étnolingvisticheskie voprosniki v polevyh issledovaniiah.” *Slavianskiĭ al'manah*, 2014, pp. 34–43.

Plotnikova, A. A., Sedakova, I. A. “Sudzhenicy.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 5. 2012, pp. 199–203.

Radulović, Nemanja J. “Određivanje sudbine u folklornim narativima.” *Zbornik u čast Mariji Kleut*, ed. by S. Tomin, Lj. Pešikan Ljuštanović, N. Polovina. Novi Sad: Filozofski fakul'tet, 2013, pp. 217–239.

Sedakova, I. A. “Sud'ba.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, vol. 5, pp. 203–208.

Song, Haiyan. “Zhongguo minjian mingyunguan de wenhua fansi jiqi qishi.” *Yunnan xingzheng xueyuan xuebao*, 2013, no 2, pp. 174–176.

Ternovskaya, O. A., Tolstaya, S. M. “Agoniia.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 90–92.

Tolstaya, S. M. “‘Glagoly sud’by’ i ikh korreliaty v iazyke kul’tury.” *Poniatie sud’by v kontekste raznykh kul’tur*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow: Nauka, 1994, pp. 143–147.

Tolstaya, S. M. “Dusha.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar’*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2, pp. 162–167.

Tolstaya, S. M. “Postulaty moskovskoĭ étnolingvistiki.” *Slavianskaia étnolingvistika: voprosy teorii* by N. I. Tolstoĭ, S. M. Tolstaya. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, pp. 67–80.

Tolstoĭ, N. I. *Iazyk i narodnaia kul’tura: Ocherki po slavianskoĭ mifologii i étnolingvistike*, Moscow: Indrik, 1995, 509 p.

Trebješanin, Ž. *Predstava o detetu u srpskoj kulturi*. Beograd, 1991, 422 p.

Wang, Wenge, Liu, Tongjun. “Zhongguo chuantong beiju zhong de mingyun-guan.” *Beifang gongye daxue xuebao*, 2010, no 2, pp. 33–38.

Wang, Guangyi, Chong, Peiting. “Jindai Zhongguo dongbei diqu jumin renshengliyi yanjiu.” *Huaxia wenhua luntan*, 2018, no 2, pp. 324–338.

Wan, Fangwen. “Huaxia minjian xinsu zongjiao: yanwan.” *Shuwu*, 2003, no 3, pp. 1–2.

Wang, Haina. “Changmingsuo jiqi yanbian.” *Foshan kexue jishu xueyuan xuebao (shehuikexueban)*, 2011, no 3, pp. 59–62.

Xia, Zhengnong, Chen, Lizhi. *Cihai*. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 6th ed., 2009, 3477 p.

Yi, Hua. “‘Xisan’: manzu xinshenger dute de qifu yishi.” *Zhongguo minzubao*, 2016/11/18, p. 2.

Zeng, Wenwen. “Han Tang zhijian Zhongguo mingjieguan de bianhua yanjiu.” *Sichuan shifan daxue*, 2012, 84 p.

Zhao, Xinggen and Lu, Xianghuai. *Shiyong Zhongguo minsuxue*. Nanjing: Dongnan daxue chubanshe, 2005. 216 p.

Zhang, Lei. “Changmingsuo yinhan de wenhua.” *Shanhajing*, 2018, no 13, pp. 14–15.

Zhang, Chuandong. “‘Songzhumi’ xisu de yuanshi yiyi yu chuantong zhuisu.” *Huanan nongye daxue xuebao(shehuikexueban)*, 2016, no 5, pp. 123–131.

Zhu, Qiqi. “Duanwu eyue chusheng de wa mingyun ruhe?” *Lvyoushijie*, 2019, no 6, pp. 118–119.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Liu Hu, Zheng Yangtong

**The representation of “fate”
in the folk mythology in Serbia and in China**

Liu Hu

PhD student

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Zheng Yangtong

PhD student

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: Alexsasha1995@163.com

ORCID: 0000-0003-0400-4677

Citation

Liu Hu, Zheng Yangtong. The representation of “fate” in the folk mythology in Serbia and in China // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 183–202 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Received: 12.01.2022.

Abstract

The study is devoted to the notions of fate in the traditional folk mythology of China and Serbia. The article analyzes the folk rites and the related terminology, the name and image of mythological characters denoting the fate of a person. Folk customs, native and funeral rites, folklore (proverbs, songs, riddles) became the material for considering the mythological image of fate. The work shows how the mythological perception of fate is reflected in the cultural code and in the linguistic image of the world. The article demonstrates how the mythological perception of fate is reflected in the linguistic images of the world of different peoples. Serbs believe that the fate of a person is given by God and other supernatural powers, in particular, the fate of a newborn child is determined by three mythological characters. In the Chinese tradition, fate is influenced by the heavenly will, the time of birth, an amulet, the lord of hell etc. In folk mythology, the soul will be reborn and will receive the fate, determined by the deeds of the person during the life-

time. The article is mainly devoted to the comparative analysis of the linguocultural meaning of fate in Chinese and Serbian mythology. The article compares the typological similarities and differences reflected in the mentality, ethnic memory, folk psychology. As a result, linguistic and extralinguistic factors have been identified that have unambiguously influenced the terminology of the perception of fate (for example, the names of mythological characters). The purpose of the study is to examine the logical-semantic and linguistic features of the appeal to the mythologeme of fate in the Chinese and the Serbian languages, in the reconstruction of folk spiritual culture.

Keywords

Serbian folk mythology, Chinese traditional mythology, image of fate, ethnolinguistics.